

Ежегодные царские праздники петербургского двора в первой четверти XVIII в.*

Уже в Московском государстве XVI в., но особенно в XVII столетии, при утверждении на престоле династии Романовых, культ царской семьи был поднят на большую высоту. Этому во многом способствовала тщательная разработка этикета и праздничной культуры двора. Помимо круглогодичной вереницы церковных торжеств-«выходов» на праздники во дворце отмечались и так называемые царские праздники, то есть праздники, посвященные событиям в жизни членов царской семьи. Некоторые из них проводились ежегодно. В начале XVIII в. резкое изменение дворцового уклада жизни не оставило в стороне и личные праздники Романовых — изменились их число, поводы и сама форма торжеств.

Традиционным, пришедшим из допетровской эпохи, было празднование *тезоименитства* членов правящей фамилии: царя, царицы, их детей и старших членов семьи. В XVII в. дни их ангелов отмечались по всей стране специальными молебнами и всенощными службами. В Москве царь и царевич-наследник, достигший 15-летнего возраста («объявленный» царевич), посещали престольные праздники столичных церквей и монастырей. После обедни при дворе устраивались церемониальные «столы» в Золотой, Столовой и Передней палатах, а с конца XVII в. — и в Грановитой палате Московского Кремля. В Передней палате или с Золотого крыльца из рук государя боярам, всем дворянам и служилым чинам раздавались водка и именинные пироги¹. Во время поездок царской семьи именины могли устраиваться и в пригородах столицы. Например, день ангела царевича Петра Алексеевича в 1679 г. отпраздновали в Донском монастыре, куда специально был вызван из Москвы патриарх². Именины царицы и царевен были

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-01-00126а.

столь же обычны, как царя и наследного царевича, хотя в них и проявились этикетные формы «терема». Именинные пироги вместо виновниц торжества раздавал царь, за столом у царицы присутствовали лишь самые близкие люди, как правило, родственники. На богослужения выходили только государь и объявленный царевич³.

В начале XVII в. число именинных праздничных дней в царской семье было незначительным, однако с каждым новым поколением Романовых оно возрастало. В конце века, несмотря на то, что в указе царя Федора Алексеевича 1680 г., касающемся официальных придворных «выходов» (их было более 60, не считая воскресных), значилось всего два «царских дня» — ангелы государя и государыни⁴, в действительности официально празднуемых царских дней было значительно больше. Так, в 1683–1684 гг. в далеких Холмогорах при кафедральном архиерейском соборе (судя по Чиновнику собора) торжественными днями были: тезоименитство царя Петра, царицы Натальи Кирилловны, вдовствующей царицы Марфы Матвеевны, сестры Алексея Михайловича Анны Михайловны и его дочерей царевен Марии, Марфы, Евдокии, Феодосии, Софьи, Натальи⁵.

В петровскую эпоху, по имеющимся сведениям⁶, обычай отмечать тезоименитство в придворной жизни сохранился. Ежегодно при московском, а затем петербургском дворе и даже во время многочисленных поездок царя 29 июня праздновался день его ангела — святых апостолов Петра и Павла. В «Журналах» Петра I и других источниках отмечены празднования царского тезоименитства в 1697 и 1698, 1700 и 1703, 1705–1710, 1712, 1714–1724 гг.⁷

Отмечался и день святого покровителя наследника престола царевича Алексея Петровича (17 марта). Относительно царевича есть сведения о праздновании его тезоименитства за 1705, 1706, 1710 и 1714 гг.⁸ Первая дата позволяет высказать предположение, что в начале XVIII в. был соблюден допетровский обычай, когда публичные празднества в честь царевича-наследника начинались после достижения им 15-летия.

С 1712 г., после официального оформления второго брака Петра I, при дворе стали торжественно отмечать именины Екатерины Алексеевны. За первую четверть XVIII в. в Петербурге день святой Екатерины 23 ноября как праздничная дата царицы не праздновался с ее участием только во время отъездов с царем за границу и в Персидский поход в 1716 и 1722 гг. В 1716 г. праздник был

устроен в «парадизе» без виновницы торжества. Соответственно, в новой столице тезоименитство Екатерины отмечалось в 1713–1721, 1723 и 1724 гг.⁹

Данные о праздновании при дворе дня ангела детей Петра I от второго брака и детей царевича Алексея Петровича (великий князь Петр и великая княжна Наталья) неполны. Относительно старшей дочери Петра I Анны, родившейся в 1708 г., есть упоминания о ее тезоименитствах в Москве за 1711 и 1723 гг. и в Петербурге за 1715, 1717–1719, 1721 и 1724 гг. В 1716 г. праздник отмечался в Риге, где тогда находился царь¹⁰. Сведения о праздновании дня святой покровительницы Елизаветы (царевна родилась в 1709 г.) относятся к 1718, 1720, 1721, 1723 и 1724 гг. (все — в Петербурге); в 1724 г. этот праздник при дворе отмечали «тихо». В 1719 г. в честь тезоименитства Елизаветы был салют на флоте у мыса Гангут¹¹.

В 1714 г., по данным царского «Журнала», в день св. Натальи 26 августа во время плавания царя на Балтике отмечали сразу тройные именины — государя «продраивали с тремя именинницами: сестра, дочь, внука»¹², то есть с днем ангела сестры Натальи Алексеевны, дочери Натальи Петровны 1-й (родилась в 1713 г., умерла в 1715 г.) и внуки, дочери царевича Алексея — великой княжны Натальи Алексеевны (родилась в июле 1714 г.). Сведения о праздновании дня ангела любимой сестры Петра I Натальи Алексеевны есть также за 1712 г. День ангела царевны Натальи Петровны 2-й (родилась в 1718 г., умерла в 1725 г.) отмечался в 1719, 1722 и 1723 гг. В 1724 г. в день св. Натальи вино гостям подавали все царские дети, в том числе цесаревна Наталья Петровна и великая княжна Наталья Алексеевна¹³.

Даже эти отрывочные данные позволяют утверждать, что день ангела младших членов семьи в обязательном порядке отмечался в домашнем кругу, когда же дети подрастали, то их тезоименитства становились настоящими событиями церемониальной жизни двора и петербургского общества.

Для начала XVIII в. особый интерес представляет вопрос о праздновании *дней рождения* Романовых. Известно, что в Древней Руси и в Московском государстве (в отличие от Западной Европы) исключительное значение придавалось дню ангела, а день рождения отмечать было не принято. Впервые такой день, по-видимому, отпраздновали в 1676 г., и связан он был с царем Федором Алексеевичем. Именно начиная с 1676 г., с воцарением этого государя, 30 мая, то есть в день его рождения, в «Книгах царских выходов»

появляются отметки о специально посвященных этому событию праздничных службах¹⁴.

Что касается дня рождения Петра I, который тоже пришелся на 30 мая, то, по-видимому, в правление этого государя такой праздник отмечался уже по обычаю. В «Журналах» Петра пометки о его дне рождения имеются начиная с 1697 г., и если в тот или иной год делались записи за последние числа мая, то в них всегда было упоминание о праздновании царского дня рождения¹⁵.

В первой четверти XVIII в. повествование конца предшествующего столетия получило дальнейшее развитие. При дворе публично стали праздновать дни рождения царевича-наследника, других царских детей и внуков, а со временем — и царицы. Так, в 1714 г. петербургское общество отмечало не только тезоименитство, но и день рождения (19 февраля) царевича Алексея Петровича. Что касается начала празднования в России женских дней рождения, то, по-видимому, оно связано с именем сестры Петра царевны Натальи Алексеевны. Упоминание о первом таком торжестве относится к 22 августа 1711 г.¹⁶

В 1710-х годах появился обычай отмечать дни рождения дочерей Петра I — Елизаветы (1713-й, затем 1716–1718 гг.), Анны (1715, 1718, 1721 и 1722 гг.), Натальи Петровны 1-й (1714 г.) и Натальи Петровны 2-й (1721, 1722 гг.). Уже с первого года жизни торжественно праздновался день рождения царевича Петра Петровича (родился в 1715 г.), на которого государь возлагал большие надежды как на наследника престола. Данные о праздновании его дня рождения имеются за 1716 и 1718 гг.¹⁷ Также отмечались дни рождения рано оставшихся без родителей внуков Петра I: Петра Алексеевича — будущего императора Петра II (1721, 1723, 1724 гг.) и его сестры Натальи (1724 г.)¹⁸.

Что касается царицы Екатерины Алексеевны, то ее день рождения, приходившийся на 5 апреля, стал, по имеющимся сведениям, отмечаться только с 1723 г. (Петербург). Это был первый известный случай хотя и очень скромного, но все же празднования дня рождения русской царицы (состоялись визиты с поздравлениями). Год спустя в Москве при императорском дворе это событие отметили «в тишине»¹⁹.

С началом XVIII в. ушли в прошлое церемониальные «выходы» и праздничные столы в Кремлевском дворце.

Личные празднества самого царя, приходившиеся на конец мая и конец июня, из-за исключительно подвижного образа жизни Петра I далеко не всегда отмечались в столичных городах в его

присутствии. В первой четверти XVIII в. в Москве Петр I праздновал свое тезоименитство лишь в 1700 г., в Петербурге — в год основания, 1703-й, и в 1710 г. Затем царские дни отмечались в «парадизе» в 1715, 1718, 1721, 1723 и 1724 гг. День своего рождения царь праздновал лишь два раза в Москве (1705 и 1724 гг.) и четыре раза в Петербурге (1710, 1712, 1718–1720 и 1723 гг.).

В поездках свой день рождения Петр I встречал в 1697 г. в Кенигсберге, в 1698 г. — под Лейпцигом, в 1701 г. — в Воронеже, в 1707 г. — на Висле, в 1709 г. — в Изюме, в 1711 г. — в Ярославле (Польша), в 1714 г. — на море у Березовых островов, в 1717 г. — под Парижем (в Марли), в 1721 г. — в Риге, в 1722 г. — в Нижнем Новгороде.

Первое царское тезоименитство было отмечено в Петербурге 29 июня 1703 г. Справлялось оно прямо среди строительных лесов Петербургской крепости. К этому сроку был готов больверк, возведенный иждивением А.Д. Меншикова, на котором, по И.И. Голикову, для празднества была сооружена «деревянная зала, в которой великий государь угостил столом всех соучастников трудов своих, в коем участвовали самые солдаты и работники. Пир сей продолжался до самой ночи с различными увеселениями и пальбою»²⁰. Ближе к реальности, по-видимому, описано это событие в «Журнале» Петра I бароном Г. Гюйссеном (Гизеном). По Г. Гюйсену, веселье было «звычайное», то есть обыкновенное, и банкет проходил не в «деревянной зале», которую можно принять за специальное помещение для торжеств, а «в новых казармах, которых тогда в болверке генерал-губернатора А.Д. Меншикова несколько уже сделано было»²¹.

В последующие годы в новой крепости царские праздники в отсутствие царя отмечались в кругу его сподвижников, руководил торжествами петербургский генерал-губернатор А.Д. Меншиков. Обстановку торжеств хорошо передает письмо к царю князя Я.Ф. Долгорукого от 30 июня 1711 г.: «Приехали в Петербург в торжественный день тезоименитства твоего, и приняты от светлейшего князя зело благоприятно; торжествовали светлое торжество радостными душами, а потом во имя твое напоены не токмо чашею студеной воды, но отчасти и горячею водкою с кровию разных гроздиев, и радостно обходили все места на всех островах тезоименитства твоего града; в тот же день были на закладке 60-пушечного корабля»²².

В 1712 г. в Петербург переезжают царская семья и двор. С этого времени в отсутствие государя распорядительницей на торжествах

стала царица Екатерина Алексеевна. Так, в 1719 г. она успешно «провела» празднование в Петербурге тезоименитства Петра, о чем сообщили «Ведомости» от 1 июля. Газетная статья содержала текст проповеди Стефана Яворского, произнесенной в Троицком соборе в присутствии царицы, сенаторов и «протчих обоего полу особ», сообщение о пушечном салюте и сопровождавшейся музыкой «трапезе царской», «гульбе в вертограде царском» — Летнем саду и «по западе солнца» преизрядном фейерверке на Неве²³.

В отсутствие царя и царицы бразды правления в новой столице по-прежнему брал в свои руки А.Д. Меншиков. Церемониальную сторону празднеств помогают представить его «Повседневные записки». Вот, например, как отмечал светлойший князь в 1717 г. день рождения царя²⁴. Утром 30 мая в губернаторский дворец на Васильевском острове и, по-видимому, в Летний дворец, где жили дети Петра I, прибыли посетители, чтобы поздравить хозяев «с днем царского величества рождения». Затем петербургское общество собралось в церкви Исаакия Далматского (день этого святого приходился на 30 мая) «слушать литургию, при которой было казанье чрез отца Гавриловича». После благодарственного молебна А.Д. Меншиков «прибыл в дом его царского величества, куда и господа сенаторы, кроме князь Якова Федоровича, князь Михайла Владимировича Долгоруких, все прибыли, и другие господа, вице-адмирал Крейс, московский губернатор Нарышкин, генерал-ревизор Зотов, архиерей Бутурлин, полковник Орлов. И по малых розговорах, выпив водки по чарке, изволили кушать, где за столом, довольно поздравляя его величество, повеселились. После кушанья в 4-м часу пополудни купно изволили выгты в сад и на галереях изволили тако ж веселитца, где довольно было господ офицеров, тако ж и чужестранных иноземцов. И забавлялись до 8-го часу, розъехались по домам...»²⁵.

В последнее десятилетие своего правления Петр I сам уделял особое внимание организации общественной жизни столицы. В это время закрепляется новый церемониал проведения «царских» торжеств, который мало чем отличается от сценария военных празднеств — годовщины Полтавской битвы, Лесной и др. Обязательными элементами праздничного действия становятся: утром — служба в Троицком соборе, проповедь, пушечный и ружейный салют и парадное построение гвардии у собора, в послеобеденное время — угощение монархом гвардейцев водкой на Царицыном лугу, празднество с участием высших слоев общества в Летнем саду (гулянье, обед, бал) и прекрасный ночной фейерверк на Неве. Иногда в этот

распорядок вносились изменения. Так, в 1723 г. ко дню рождения императора было приурочено торжество в честь «додушки русско-го флота» — Ботика Петра I, а церемониальный стол был устроен в аудиенц-зале и помещении Сената²⁶.

Церемониал празднования тезоименитства царицы включал в себя службу в Троицком соборе или церкви Исаакия Далматского, пиршество в Зимнем дворце или на Почтовом дворе, фейерверк на льду Невы. Иногда добавлялись и другие развлечения, например, катание после фейерверка «сенаторов и министров» на санях («линейх») по ночному городу (1717 г.). Вероятно, представители петербургского света смотрели праздничную иллюминацию, так как обычно в этот день с вечера «во всем Питербурхе у всех хором в окнах горели свечи, тако ж перед каждыми воротами были огни во всю ночь»²⁷.

Особым событием было отмечено тезоименитство Екатерины Алексеевны в 1714 г. 24 ноября в церкви св. Исаакия Далматского состоялась церемония учреждения ордена Св. Екатерины, главой которого стала сама царица. Как свидетельствует запись в журнале, в «сей день тезоименитства государыни царицы Екатерины Алексеевны их величества изволили быть у обедни в церкви святого Исаакия Далматского. И после обедни, в церкви же, его величество сам изволил наложить на государыню царицу новоучиленную кавалерию ордена святыя великомученицы Екатерины, которой орден учинен в память избавления случившагося при Прутской баталии, где их величества высокою своею особою присутствовать изволили». Затем «стреляли из города из пушек и были гости за 7-ю столами 100 персон»²⁸.

Особенностью дня ангела Екатерины в 1723 г. стало объявление предстоящего коронования ее в Москве на титул императрицы. Год спустя в этот же день было совершено торжественное обручение цесаревны Анны Петровны с герцогом Гольштинским²⁹.

Первое упоминание о праздновании детских дней рождения и тезоименитств относится к 1711 г., когда в Москве 3 февраля «у его царского величества господа министры все обедали и довольно веселились, понеже в тот день была именинница царевна Анна Петровна». Ей исполнилось тогда 3 года. По журналу-дневнику Петра I, в Петербурге 18 декабря 1713 г. «был день рождения государыни царевны Елизаветы Петровны, и пополудни были в доме его величества гости, светлейший князь и министры, и веселились». Гости приглашались в честь 4-летия Елизаветы. В 1715 г., когда Анне исполнилось 7 лет, по случаю ее тезоименитства в Пе-

тербурге, во дворце, были устроены обед и бал с приглашением иностранных дипломатов³⁰.

Судя по этим кратким описаниям, празднества малолетних детей сводились к приглашению к столу небольшого числа лиц. Когда же царевны подросли (Елизавета, например, была объявлена совершеннолетней в 12 лет)³¹, их дни рождения и тезоименитства превратились в настоящие придворные торжества. Одним из смыслов этих столичных празднеств с приглашением широкого круга гостей была демонстрация их свет для междинастических брачных союзов. В 1721 г. 13-летие Анны Петровны, то есть тоже совершеннолетней царевны на выданье, отмечали в Петербурге на Гостином дворе, но особенно пышно праздновали через несколько дней, 3 февраля, ее тезоименитство. Утром царская чета слушала литургию в церкви Симеона и Анны, где была произнесена проповедь. Затем их величества «кушали» в комнатах у царевен. После обеда в Адмиралтействе «спустили корабль в 86 пушек именем Апостола Андрея». Вечер закончился пиром и балом на Почтовом дворе и фейерверком со множеством ракет³². Кстати, всего через несколько месяцев в Петербург придет герцог Гольштинский, целью пребывания которого при российском дворе станет женитьба на одной из старших дочерей Петра и Екатерины.

По праздничным формам тезоименитства и дни рождения царских детей были обычными петербургскими застольями высшего света, сопровождавшимися балными танцами, фейерверками и иными увеселениями. В летнее время они справлялись в царских садах, зимой — на Почтовом дворе или в Зимнем дворце. Примечательной особенностью этих празднеств было традиционное русское поднесение гостям вина хозяйкой дома, роль которой играла сама именинница. В 1715 г. на тезоименитстве семилетней Анны этот обряд наблюдал английский посланник Дж. Мэкензи (Маккензи). По его словам, во время проходивших во дворце обеда и бала «августейшие родители ее (Анны. — О.А.) пожелали, чтобы юная принцесса обошла гостей вином вместе с княгиней Голицыной... и все пили за здоровье ея высочества, поздравляя ее...»³³. По-видимому, эта традиция, взятая из древнерусского этикета, удачно «вписалась» в новшества XVIII столетия. На именинах царских дочерей она встречается и в последующие годы; например, 5 сентября в 1723 г., в свой день ангела, по свидетельству Ф.В. Берхгольца, по стакану вина всем гостям подносила цесаревна Елизавета, год спустя она также угощала своих родителей, сестру Анну и герцога Гольштинского. Интересно, что в день рождения Петра

30 мая 1723 г. на обеде в аудиенц-зале ему и его гостям «как хозяйка дома» подносила чарки с водкой Екатерина Алексеевна³⁴.

Чтобы представить себе непринужденность обстановки, царившей на празднествах в честь младших членов царской фамилии, приведем запись в дневнике Ф.В. Берхгольца за февраль 1724 г. «3-го, в день тезоименитства старшей императорской принцессы Анны, его высочество (герцог Гольштинский. — О.А.) поехал... в русскую церковь, чтоб там поздравить принцессу, что ему и удалось. Она сама пригласила его на празднество, назначенное после обеда при дворе, куда он часов в шесть и отправился. Императорская фамилия сидела уже за столом, но возле императора для его высочества было оставлено место, и он поместился между его величеством и князем Меншиковым. Обед этот продолжался до 8-ми часов. Как скоро столы из большой залы были вынесены и ее вывели, его высочество открыл с принцессой Анной танцы, которые продлились до половины десятого. Сама императрица танцевала раза два с Ягужинским. Маленькая императорская принцесса Наталия также танцевала несколько раз то с его высочеством, то с маленьким великим князем, и так свободно и хорошо, как только может ребенок ее лет, почему всякий раз, когда она оканчивала, раздавались рукоплескания всего общества. Так как император часто подходил к императрице, смотрел на танцы и был очень ласков с ее величеством, то признаюсь, некоторые из нас возымели надежду, что в этот день будет объявлено что-нибудь положительное о браке нашего герцога. Но увы! Ожидания эти не сбылись... Тотчас после танцев начался фейерверк, продолжавшийся с полчаса и состоявший, по обыкновению, из множества ракет, швермеров, воздушных шаров, фонтанов, огненных колес и тому подобного, также из большого девица, горевшего голубым огнем. Императрица, казавшаяся не совсем здоровою, по окончании фейерверка тотчас удалилась, но императорские принцессы получили позволение остаться еще, и танцы снова начались. Удовольствие это, однако ж, продолжалось не более получаса, потому что принцессам скоро приказано было кончить их. После того, когда старшая каждому из гостей сама подала по стакану вина, они простились с императором и также удалились. Герцог имел счастье провожать их обеих через несколько комнат и еще раз проститься с ними. Его высочество не уезжал еще с час, потому что император не уходил и сидел с духовенством, но г. Ягужинский посоветовал ему наконец подойти к его величеству... и проститься. Часов в одиннадцать герцог и последовал этому совету»³⁵.

Это торжество, его ритуальная сторона, состав участников описаны автором как нечто обычное при русском дворе. Действительно, находившийся в России с 1721 г. Ф.В. Берхголец не раз становился участником такого рода празднеств в честь царских дочерей. Но празднование тезоименитства детей монарха с их непосредственным участием было явлением новым (за исключением царевичей, достигших 15-летнего возраста).

Что касается празднования царских дат вне столицы, то они проходили по церковному чину. Остается добавить, что, судя по одному из указов Петра I, статусы дня рождения и традиционного дня его ангела были одинаковы³⁶.

Вопрос о церковном праздновании тезоименитств и дней рождения Екатерины Алексеевны и ее детей заслуживает специального внимания. Связано это с тем, что вокруг второй семьи царя сложилась особая политическая ситуация. Известно, что духовенство не приняло парушавший русские обычаи второй брак царя. Одним из свидетельств этого явилось то, что в епархиях специальными службами именины новой царицы не отмечались, хотя ежегодно справлялись все тезоименитства сестер царя, его племянниц и двух царя-вдов — жещ его сводных братьев Федора и Ивана.

Судя по составленному в 1715 г. Чиновнику холмогорского Преображенского собора, 24 ноября, то есть в день ангела царицы Екатерины Алексеевны, пелся «великой Екатерины полиелей... ради именин царевен; по литургии молебен», то есть праздновались именины сестры Петра царевны Екатерины Алексеевны и дочери царя Ивана царевны Екатерины Ивановны³⁷. Что касается именин Анны и Елизаветы, родившихся до официальной свадьбы родителей, то в 1718 г., шесть лет спустя после публичного оформления брака Петра и Екатерины, в епархиях были получены «от преосвященного указ и печатная тетрадь: праздновать 5-е число (сентября) праведной Елизаветы полиелейми и с литиею для тезоименитства благородной царевны и великой княжны Елизаветы Петровны». Еще через четыре года указом Синода было «повелено на тезоименитства великих государынь цесаревен праздновать со всею мощью и молебствовать сентября 5, февраля 3, августа 26», то есть в дни ангела Елизаветы, Анны и Натальи Петровны³⁸.

До сих пор речь шла о самых близких к монарху родственниках. Однако как обстояло с другими Романовыми? По-видимому, политический смысл имел тот факт, что по журналам Петра I и большинству мемуаров не прослеживается публичное празднование тезоименитств и дней рождения членов семьи царя Ивана V —

царицы Прасковьи Федоровны и ее дочерей и царевны Марии Алексеевны. Исключение составляет зафиксированное, например, в «Повседневной записке» А.Д. Меншикова сопровождавшееся обедом и «забавами» посещение в отсутствие в Петербурге Петра I светлейшим князем 24 сентября 1717 г., в день рождения царевны Прасковьи Ивановны, дома царицы Прасковьи Федоровны. При этом упоминаний о поздравлении царицы с днем рождения ее дочери Прасковьи «Записка» не содержит. Судя по записям Ф.В. Берггольца, 24 сентября 1723 г. некоторые высокопоставленные петербуржцы в этот же день наносили визиты «старой царице» Прасковье Федоровне с поздравлениями по случаю дня рождения младшей дочери. Среди поздравлявших были царица Екатерина I и ее дочери. Однако герцог Гольштинский не счел нужным приехать, потому что его предупредили (по-видимому, основываясь на аналогии с предыдущими годами), что никого из императорской семьи у Прасковьи Федоровны не будет. 24 ноября 1722 г., в день св. Екатерины, в Москве в отсутствие царской четы (то есть и именинницы Екатерины Алексеевны) герцог Гольштинский посетил в Измайлове дочь царя Ивана V герцогиню Мекленбургскую Екатерину. Посещение состоялось по собственному приглашению Екатерины Иоанновны. «В Измайлове, — как свидетельствует Ф.В. Бергголец, — не было почти никого», кроме графа Г.И. Головкина и его жены; герцогиня очень обрадовалась визиту — наскоро был приготовлен стол и устроены танцы³⁹. Эти редкие свидетельства о поздравлениях с тезоименитствами и днями рождения позволяют утверждать, что событиями придворной жизни даты этих членов семьи Романовых в правление Петра I не являлись.

В 1710—начале 1720-х годов в светской хронике Петербурга появилось еще одно новое для России празднество. В эти годы сложился обычай отмечать *годовщины государева бракосочетания*. Свадьба Петра I и Екатерины Алексеевны официально была отпразднована в Петербурге 19 февраля 1712 г. Первые годовщины этого события, по-видимому, отмечались в узком кругу близких к новой царской семье лиц. Косвенно на это указывает отправленное из Петербурга письмо Дж. Макензи от 21 февраля 1715 г. В нем сообщалось, что 19 февраля «царь семейно праздновал день своего бракосочетания с нынешней царицей»⁴⁰. Понятие «семейно» могло означать приглашение к столу лишь сенаторов и «друга сердечного» А.Д. Меншикова.

Первое известие о том, что «семейный» праздник превратился в публичное столичное торжество, относится к 1721 г., то есть к

девятой годовщине официальной свадьбы. В этот день после утренней литургии в Троицкой церкви состоялось катание петербургского общества — царь «ездил на своей линее, и была проба ж с 50-ю линеями». Затем — бал на Почтовом дворе и фейерверк с надписью «Виват» и вензелем «Р.С.» под короной (начальные латинские буквы имен «Петр» (Petrus) и «Екатерина» (Catharina)⁴¹. В дальнейшем празднество должно было стать ежегодным. В 1723 г. оно было отмечено в Москве церемониальным столом и замечательным фейерверком, придуманным и зажженным самим Петром (де-низ фейерверка загорался от слетавшей к нему фигуры Купидона)⁴². За 1722 и 1724 гг. записей не сохранилось, так как 19 февраля императорская чета находилась на карельских Марциальных водах.

Только ли желание отметить семейное событие вызвало к жизни новое празднество? Думается, была и иная причина. Автор посвященной гравюре А.Ф. Зубова «Свадьба Петра I» статьи Г.В. Михайлов привел небольшой хронологический перечень событий: «1704 — знакомство Петра с Екатериной. 1711 — тайное обручение в Москве. 1712 — бракосочетание в Петербурге. 1722 — публикация Устава о наследии престола, целью которого явилась отмена права наследия престола старшим сыном — впредь назначение наследника зависело только от воли “правительствующего” государя. 1723 — издание Петром специального манифеста, объявившего о заслугах Екатерины перед Россией. 1724 — официальная церемония коронации Екатерины на титул императрицы, состоявшаяся в Москве. 1725 — провозглашение Екатерины императрицей (в день смерти Петра — 28 января)»⁴³.

Разумеется, не все в этом перечне событий столь прямолинейно ведет к коронации Екатерины и объявлению императрицей, однако схема точно отобразила ключевые моменты продвижения ее к престолу. Одним из наиболее сложных этапов был промежуток 1712–1722 гг., когда Петр, поставив русское общество перед фактом появления на политической сцене своей второй жены, получил отрицательную реакцию на этот шаг со стороны церкви и должен был решить проблему — как «вести» Екатерину в общество, прежде всего дворянское, в ранге царицы. При бракосочетании он использовал свой контр-адмиралский чин, обойдя таким образом церемониальные препоны⁴⁴. Но дальше продолжать играть в шаутбенахта было бессмысленно. Вопрос о реальном положении безродной Екатерины Алексеевны в обществе и, следовательно, о будущем ее трех дочерей особенно остро встал с кончиной царевича

Алексея (1718 г.) и объявлением наследником царевича Петра Петровича (1719 г.).

Основой упрочения положения царицы и ее детей, конечно же, явились политический расклад сил при дворе и законодательные меры 1722–1724 гг. Но чтобы общество приняло их как нечто естественное, нужна была специальная подготовка общественного мнения. Не преувеличивая роли церемоний придворной жизни, многочисленных столичных торжеств, стоит признать, что именно в праздничной обстановке видели столичные жители Екатерину, исполняющую «роль» царицы, и что именно в «царские дни» Романовых Петр мог «научить» или «заставить» столичное дворянство общаться с новой, «незаконной», царицей и ее детьми по этикетным нормам, предполагавшим дистанцию: семья монарха — подданные. Годы непризнания церковью высокого положения наиболее близких Петру членов его семьи не могли не заставить царя принять меры, поднимавшие престиж Екатерины и ее детей. Делал он это там, где мог распоряжаться достаточно свободно, то есть в светской столичной жизни. Возможно, именно в этом основная причина учреждения новых, на европейский лад, празднеств — дней рождения царицы и царских детей и дня царского бракосочетания.

В последние годы царствования Петра I стало отмечаться еще одно публичное празднество, связанное с особой монарха, — *день его коронации*. Ежегодное общегосударственное празднование этого события было повсеместно в XVIII в. Однако, в отличие от многих правительственных начинаний эпохи реформ, оно не противоречило духу древнерусской традиции. И ранее, по-видимому, по усмотрению церковных иерархов, могли отмечать дни годовщины венчания на царство русских царей. Например, в 1683 г. Холмогорский и Вяземский архиепископ Афанасий «в соборной церкви молебствовал о здравии благочестивых царей, и понеже в той день сего числа прошлого 190-го году благочестивые цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы, венчани царскими венцами. Со архиереем в сослужении были соловецкий архимандрит со священник и спасский игумен...»⁴⁵.

Не стало неожиданностью появление дня коронации и для ближайшего окружения царя. Первые имеющиеся сведения о том, что этот день весьма скромно, но все же отмечали, относятся к 1719 г. По журналу Петра I, дело было 25 июня на корабле у памятного мыса Гапгут, «понеже в сей день коронация его царского величества, тако ж имянишица государя царевна Елисавет Петровна,

того дня за здоровье после обеда выпалили на нашем корабле из 15-ти пушек». В журнале 1720 г. под 25 июня также имеется пометка, что «Его величества сей день коронация прошло 38-м лет»⁴⁶.

Наконец, в 1721 г., 16 мая, вышел официальный, пропущенный через Сенат и Синод указ «О торжествовании дня коронация его царского величества». Новое празднество сразу было возведено в ранг, равный уже традиционному тезоименитству и дню рождения царя. Указ гласил: «...повелено: во всем Российском государстве день коронация его царского величества, а именно июня 25 числа, торжествовать молебным во всеблатому Богу пением, равно как торжествуется день его величества рождения, и день его ж величества тезоименитства; чего для из того Синода об исполнении по оному указу в епархии к архиереям указы посланы. И сего мая 16 дня по его ж царского величества указу Правительствующий Сенат приказали: о том для действия и ведома во все коллегии, губернии и провинции послать указы, которые и посланы»⁴⁷.

В Петербурге монарх справлял новое празднество в 1721, 1723 и 1724 гг.; в 1722 г. отмечал день своей коронации в Астрахани, а находившемуся в Москве двору праздничный обед устраивал Синод⁴⁸. Что касается обрядовой стороны петербургских «дней коронация», то она была такой же, как и при праздновании тезоименитства и дня рождения императора.

Кратко подводя итог сказанному, пужно признать, что в первой четверти XVIII в. при русском дворе сформировалась новая система царских праздников. Наряду с церковными тезоименитствами получили распространение светские дни рождения, возникло ежегодное празднование дня свадьбы монарха и дня царской коронации. Когда в 1723 г. в Петербурге был составлен «Регистр торжественным и викариальным дням», которые следовало отмечать в новой столице ежегодно, в нем оказались указаны пять тезоименитств семьи Петра I (царь, царица и три их дочери), шесть дней рождения (включая день рождения великого князя Петра Алексеевича), день царского «законобратного венчания» и коронации, то есть всего 13 ежегодных «царских праздников»⁴⁹. Следуя моде на новые проевропейские праздничные увеселения, эти торжества наряду с церковными богослужениями включили и комплекс новых развлечений — гуляния, балы, торжественные спуски кораблей, фейерверки. Особенностью формирования «царских дней» стало исключительное внимание ко второй семье правящего монарха и отход на второй план семьи его соправителя (до 1696 г.) Ивана V Алексеевича.

Остается добавить, что обращение к документам, освещающим ежегодные царские торжества послепетровского времени, например эпохи Екатерины Великой, показывает, что при дворе в число «табельных высокаторжественных дней» входили дни рождения и дни ангелов Романовых и учрежденный Петром I день коронации¹⁰. Таким образом, сформировавшаяся в Петербурге в первой четверти XVIII в. праздничная культура двора, за исключением небольших изменений (появился день восшествия на престол и исчез день годовщины царского бракосочетания), стала основой общегосударственных царских торжеств Российской империи.

¹ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. М., 1895. Т. 1. Ч. 1. С. 298.

² Там же. М., 1901. Т. 2. С. 384–385.

³ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 340.

⁴ ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. № 850. — На праздники Федора Стратилата и мученицы Агафьи.

⁵ Чиновники холмогорского Преображенского собора. М., 1903. С. 63, 78, 134, 145, 153, 161–162, 168, 180, 197.

⁶ Приведенные ниже сведения о датах проведения царских празднеств — тезоименитств, дней рождения и др., в том числе первые упоминания о них, взяты из следующих источников и трудов: Камер-фурьерские церемониальные журналы: Походные и путевые журналы имп. Петра I. Журналы за 1695–1725 гг. СПб., 1853–1855 (далее: «Походный журнал»); Журнал государя Петра I в 1695–1709, сочиненный бароном Гизеном. Половина первая // Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служивших к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 3; П и Б. СПб.; М., 1887–1992. Т. 1–13; Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. X. Также использовались сочинения Ф.Х. Вебера, Ю. Юля, Ф.В. Берхгольца и др.; письма иностранных дипломатов, опубликованные в «Сборниках РИО» (1884. Т. 40; 1886. Т. 50; 1888. Т. 61); сочинения историков: Голиков И.И. 1) Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России: В 12 ч. М., 1788–1789; 2) Дополнение к Деяниям Петра Великого: В 16 т. М., 1790–1797; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863; Т. 1–4, 6, и др. Отсутствие в использованных источниках и литературе упоминаний о празднествах за какой-либо год не означает, что они не отмечались, просто могли не сохраниться соответствующие свидетельства.

⁷ Походный журнал 1697 г. С. 13–14; 1698 г. С. 492–497; 1705 г. С. 5; 1706 г. С. 6; 1707 г. С. 4; 1708 г. С. 10; 1709 г. С. 11; 1712 г. С. 18; 1714 г. С. 62, 114; 1715 г. С. 17, 59; 1716 г. С. 27; 1717 г. С. 23; 1718 г. С. 31; 1719 г. С. 46, 59, 112; 1720 г. С. 25; 1721 г. С. 50; 1722 г. С. 57; 1723 г. С. 17; 1724 г. С. 10; Туманский Ф.О. Собрание... Ч. 3. С. 343; Голиков И.И. 1) Деяния... Ч. 5. С. 348; 2) Дополнение... Т. 6. С. 16, 192; Устрялов Н.Г. История... 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 67; Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711). М., 1900. С. 223; Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1. С. 49–52; Ч. 2. С. 171; 1903. Ч. 3. С. 97–98; Ч. 4. С. 49; Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 399; 1906. Вып. 2. С. 254–259; Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 157 (1699 г., Москва, в отсутствие Петра I); П и Б. СПб., 1907. Т. 5. № 1885; Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 492–497; Повседневные записки... С. 50, 140, 234–235, 319 (1717 г., Петербург, в отсутствие Петра I).

⁸ Походный журнал 1705 г. С. 2; 1706 г. С. 4; 1714 г. С. 6, 94; Юль Ю. Записки... С. 176.

⁹ Походный журнал 1712 г. С. 45; 1713 г. С. 51–52; 1714 г. С. 79, 144; 1715 г. С. 29, 76; 1716 г. С. 100; 1720 г. С. 44; 1722 г. С. 93; 1723 г. С. 40; 1724 г. С. 24; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 1. С. 169–171; Ч. 2. С. 227–229; Ч. 3. С. 179; Ч. 4. С. 76; Повседневные записки... С. 87, 177–178, 273, 342.

¹⁰ Походный журнал 1711 г. С. 3; 1716 г. С. 63; 1721 г. С. 20–21; 1724 г. С. 38; Сборник РИО. Т. 61. № 104; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 18; Ч. 4. С. 14–15; Повседневные записки... С. 104, 196–197, 290.

¹¹ Походный журнал 1719 г. С. 43; 1720 г. С. 36; 1721 г. С. 59; 1723 г. С. 21–22; 1724 г. С. 18; Голиков И.И. Деяния... Ч. 7. С. 344; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 1. С. 111–113; Ч. 3. С. 146–148; Ч. 4. С. 58; Повседневные записки... С. 256.

¹² Походный журнал 1714 г. С. 126.

¹³ Походный журнал 1712 г. С. 31; 1722 г. С. 20; 1723 г. С. 17; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 185; Ч. 4. С. 58; Повседневные записки... С. 325.

¹⁴ Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 гг.). М., 1844. С. 621, 637, 658. В книгах «Выходов...» отмечалось использование царем в праздничные дни той или иной разновидности парадной одежды.

¹⁵ Походный журнал 1697 г. С. 12 (об этом свидетельствует, по-видимому, краткая запись: «Был у нас курфирст с послом»); 1698 г. С. 22–23; 1701 г. С. 6; 1705 г. С. 3; 1707 г. С. 3; 1709 г. С. 8; 1711 г. С. 12; 1714 г. С. 109; 1715 г. С. 56; 1717 г. С. 17; 1719 г. С. 129; 1720 г. С. 31; 1721 г. С. 44; 1722 г. С. 57; 1723 г. С. 15; 1724 г. С. 8; Голиков И.И. Деяния...

Ч. 5. С. 325; Сборник РИО. Т. 50. № 8; Т. 61. № 54; Вебер Ф.Х. Записки... // Русский архив. 1872. Вып. 9. Стб. 1660; Юль Ю. Записки... С. 206–207; Ведомости... Вып. 1. С. 395–396; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 158; Ч. 3. С. 77–80; Ч. 4. С. 46–47; Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. // *Вестники Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 145; Повседневные записки... С. 43, 132, 227, 312.

¹⁶ Походный журнал 1714 г. С. 6, 88, 94; Юль Ю. Записки... С. 238–239.

¹⁷ Походный журнал 1713 г. С. 52–53; 1714 г. С. 99; 1715 г. С. 47; 1716 г. С. 49, 57; 1721 г. С. 19, 57; 1722 г. С. 20; Сборник РИО. Т. 40. № 59; Вебер Ф.Х. Записки... Вып. 9. Стб. 1622; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 40–44; Повседневные записки... С. 93, 183, 195, 278. В 1719 г. в день рождения Анны Петровны, 27 января, князь «кушал» во дворце у царевича, вечером состоялась ассамблея у князя А.М. Черкасского (с. 289).

¹⁸ Походный журнал 1721 г. С. 75; 1723 г. С. 39; 1724 г. С. 11, 21; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 1. С. 131; Ч. 3. С. 162–163; Ч. 4. С. 69.

¹⁹ Походный журнал 1723 г. С. 13; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 48–49; Ч. 4. С. 25. В «Походном журнале» Петра Великого за 1712 г. (с. 54) имеется запись: «Апреля в 5-й день рождения государыни царицы Екатерины Алексеевны»; из-за краткости записи невозможно понять, отмечали ли день рождения царицы.

²⁰ Голиков И.И. Дополнение... Т. 6. С. 192.

²¹ Туманский Ф.О. Собрание... Ч. 3. С. 343.

²² Устрялов Н.Г. История... Т. 4. Ч. 1. С. 67. Это письмо Я.Ф. Долгорукого было посвящено побегу из шведского плена 44 русских, среди которых находился и сам князь, отсюда использование множественного числа и приподнятое настроение автора послания.

²³ Ведомости... Вып. 2. С. 254–258.

²⁴ Сам Петр I с Екатериной тогда находился в заграничном путешествии и праздновал это же событие под Парижем в королевской резиденции, где были устроены иллюминация и фейерверк. См.: Походный журнал 1717 г. С. 17.

²⁵ Повседневные записки... С. 132.

²⁶ Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 77–78.

²⁷ Повседневные записки... С. 178; Походный журнал 1713 г. С. 52.

²⁸ Походный журнал 1714 г. С. 79, 144.

²⁹ Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 179; Ч. 4. С. 76.

³⁰ Походный журнал 1711 г. С. 3; 1713 г. С. 52–53; Донесение Дж. Мэкензи от 4 февраля 1715 г. // Сборник РИО. Т. 61. № 104. С. 351.

³¹ Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 42.

³² Походный журнал 1721 г. С. 20–21.

³³ Сборник РИО. Т. 61. № 104. С. 351.

³⁴ Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 78, 185; Ч. 4. С. 79.

³⁵ Там же. Ч. 4. С. 14–15.

³⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3783. С. 390.

³⁷ Чиновники холмогорского Преображенского собора. С. 205.

³⁸ Там же. С. 269, 270.

³⁹ Повседневные записки... С. 162; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 228–229; Ч. 3. С. 156.

⁴⁰ Донесение Дж. Мэкензи от 21 февраля 1715 г. // Сборник РИО. Т. 61. № 109. С. 357. Походный журнал Петра I за 1714 г. (с. 88) содержит первое упоминание о годовщине брака царя, по не официального, а фактического. Запись: «Совокупления брака его величества пошел 7-й год» указывает на 1707 г.

⁴¹ Походный журнал 1721 г. С. 24.

⁴² Сохранились два описания этого празднества, см.: Бассевич Г.Ф. Записки о России при Петре Великом. М., 1866. С. 134; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 3. С. 23–25.

⁴³ Михайлов Г.В. Гравюра А.Ф. Зубова «Свадьба Петра I» // Панорама искусств. М., 1988. № 11. С. 51.

⁴⁴ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 70.

⁴⁵ Чиновники холмогорского Преображенского собора. С. 145.

⁴⁶ Походный журнал 1719 г. С. 43; 1720 г. С. 25. Никаких особых торжеств в этот день не было, находившийся в Петербурге царь присутствовал на погребении «первого сенатора и министра» князя Я.Ф. Долгорукого.

⁴⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3783. С. 290.

⁴⁸ Походный журнал 1722 г. С. 47; Берхгольц Ф.В. Дневник... Ч. 2. С. 169.

⁴⁹ Реестр торжественным и викториальным дням, какие были празднуемы в С.-Петербурге в 1723 г. с молебствием и без оного // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 3 (1723 г.). Приложение № 41 к делу № 393/350. С. СХСІХ–ССІ.

⁵⁰ См., напр.: Табель высокоторжественных Ея императорского величества... и их... высочеств... дней... // Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание... Санкт-Петербурга... с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 465–470.